

Кнуд Расмуссен

**ВЕЛИКОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
НА САНЯХ**
[БЕЛЫЙ ЭСКИМОС]

РИПОЛ КЛАССИК

Кнут Расмуссен
Великое путешествие на санях
Серия «Библиотека
приключенческого романа (Рипол)»
Серия «Дикая жизнь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43127431
Белый эскимос: РИПОЛ классик; Москва; 2019
ISBN 9785386142025

Аннотация

Датский исследователь Кнут Расмуссен пересек на санях весь североамериканский континент от Гудзонова залива до Аляски, чтобы встретиться с удивительными и загадочными эскимосскими племенами, населяющими этот суровый край. Новый перевод знаменитой книги о полярной экспедиции Расмуссена включает главу о неудачной попытке посетить Советский Союз, которая была вырезана цензурой из первого советского издания. Книга иллюстрирована уникальными архивными фотографиями, любезно предоставленными Домом-музеем Кнуда Расмуссена и Обществом Кнуда Расмуссена в Дании.

Содержание

Величайшее путешествие на санях. Предисловие к новому переводу	5
Белый эскимос	7
Вступление	11
Гудзонов залив и Баррен-Граундс	28
Первая встреча с людьми	28
Такорнаок	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кнут Расмуссен

Белый эскимос

© Наталья Кларк, перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

Величайшее путешествие на санях.

Предисловие к новому переводу

Новое издание самой популярной книги Кнуда Расмуссена о Пятой экспедиции Туле свидетельствует о неоспоримой важности его этнографического труда в Арктике и о его таланте автора и рассказчика.

Кнуд Расмуссен по праву считается последним истинным национальным героем Дании и большим другом арктических народностей. Он познакомил ученых и широкую общественность с миром Арктики и ее населением. Будучи этнографом-самоучкой, он обладал способностью легко контактировать с людьми. Его книги по этнографии и экспедиционные журналы были переведены и опубликованы во всем мире.

Пятая экспедиция Туле представляла собой немыслимое путешествие на собачьих упряжках продолжительностью в 18 тысяч километров по одному из самых изолированных, отдаленных и экстремальных мест планеты. Но несмотря на все препятствия, Кнуду Расмуссену все же удалось совершить свое путешествие, посещая одно за другим различные инуитские племена. Побывав у всех наиболее известных племен, он собрал множество мифов и легенд для своих сравнительных исследований. Им был четко установлен тот факт,

что инуиты, проживающие вдоль побережья Арктического полярного моря, говорят на том же языке, что и население на территориях Гренландии и Канады вплоть до самой Аляски. Он пересек Берингов пролив, чтобы включить в свои исследования изучение племени сибирских чукчей. Но из-за отсрочки разрешения на въезд в Советский Союз поездка закончилась разочаровывающе коротким пребыванием на мысе Восточный и ночлегом в доме уполномоченного губревкома Григория Лосева в Уэлене, прежде чем Расмуссену предстояло вернуться в Ном на Аляске.

Пятая экспедиция Туле завершилась в 1924 году в самой восточной точке Советского Союза, а «Великое путешествие на санях» было впервые опубликовано на датском языке в 1934 году. А уже в 1935 году увидел свет первый перевод книги на иностранный язык – вот так она и была предоставлена вниманию русского читателя.

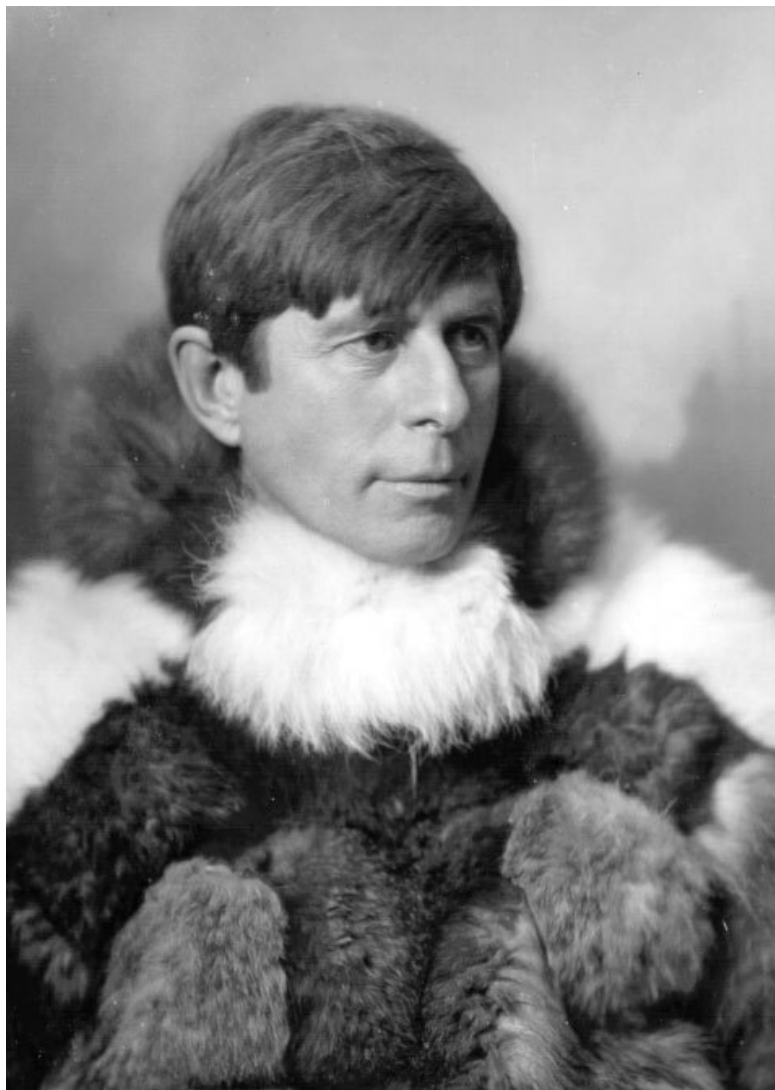
Поскольку успех этой немислимой изнурительной экспедиции был мечтой всей жизни Кнуда Расмуссена, то и книгу свою он посвятил тому, как важно сохранить верность ценностям и идеалам своей юности. Ценностям и идеалам, которые не в меньшей степени следует оберегать в сегодняшнем столь стремительно меняющемся мире, чем во времена Кнуда Расмуссена сто лет назад.

Хушнестед, октябрь 2018

Сёрен ла Кур Йенсен

Ведущий куратор Дома-музея Кнуда Расмуссена

Белый эскимос

Кнуд Расмуссен перед Великим путешествием на санях

Фото: Общество Кнуда Расмуссена

Старая эскимосская легенда гласит, что когда-то давным-давно жили на земле юноши, которым очень не терпелось отправиться путешествовать по белу свету.

Они были полны жизни и жажды приключений, и, казалось, любая задача им была по плечу. Были они так молоды, что лишь совсем недавно успели обзавестись женами. Выступили они в путь вместе, но потом решили разделиться: половина направилась в одну сторону, а вторая – в противоположную, чтобы снова встретиться, обойдя вокруг земли.

Так они и странствовали: летом в кожаных лодках, зимой на собачьих упряжках. Летели годы, у них родились дети, но они всё продолжали свое путешествие, не желая отказываться от поставленной цели. Наконец они состарились, и у их детей появились уже собственные дети.

Рассказывают, что, отправляясь в путь, они прихватили с собой большие красивые черпаки, вырезанные из рогов овцебыка, но во время странствий им приходилось столько раз черпать воду из рек и озер, чтобы напиться, что от их черпаков остались только ручки.

Обойдя полмира, они наконец снова встретились. Но теперь юноши превратились в стариков, которым служили проводниками их собственные внуки.

– Мир велик, – сказали они друг другу при встрече. –

Во время странствий мы успели состариться. Но жизнь наша была полной, и, двигаясь к цели, мы приобрели знания и мудрость для будущих поколений.

Эта старая эскимосская легенда, которая учит быть верными идеалам своей юности, произвела на меня очень сильное впечатление. Когда мне ее впервые рассказали, я был еще отроком.

Но с тех самых пор мной полностью овладел этот сильный, прекрасный образ, ведь уже тогда я хранил в себе огромное желание отправиться в северные края, чтобы посетить все эскимосские племена.

Это желание сбылось во время Пятой экспедиции Туле, проходившей по северу американского континента. Я написал несколько научных и популярных работ об этом путешествии из Гренландии к побережью Тихого океана, а теперь, в «Великом путешествии на санях», попытался кратко изложить только самое важное из того, что касается самого путешествия и встреченных мною людей.

С благодарностью признавая, как много значило для меня в зрелые годы достижение цели, поставленной себе еще в юности, я посвящаю эту книгу молодежи Дании.

Кнут Расмуссен Линденов фьорд, 10 сентября 1932 г.

Вступление

Раннее утро на вершине крутого Восточного Мыса¹, самой восточной оконечности Сибири. Вершины стоят, припорошенные снегом, – это навевает мысль о первом прикосновении осенних холодов. Над Беринговым проливом, по которому в сторону севера медленно скользят по течению ледяные глыбы, небо ясное и безоблачное.

Пейзаж исполнен спокойного величия; где-то вдалеке, на горизонте, маячит остров Большого Диомида, за которым в проливе проходит граница между Америкой и Азией. С места, где я сейчас стою, я из одной части света заглядываю в другую: позади Большого Диомида синее еще один остров, напоминающий туманную гряду. Это Малый Диомид, который принадлежит Аляске.

Все, что может окинуть взгляд, купается в солнечных лучах и в ярком сиянии моря, представляя ослепительный контраст с раскинувшимся позади меня клочком суши. Плоская, утопающая в болотах тундра на первый взгляд кажется мертвой и пустынной, но на самом деле вся равнина наполнена жизнью и звуками. Не встречая на своем пути горных преград, тянется она среди рек и озер в дальние края, в дельту Лены и еще дальше за ее пределы, мимо мыса Челюскина – к местам, уже недалеким от моей родины.

¹ Мыс Дежнева.

У подножия скалы, на которую я взобрался, видна группа женщин-чукчей в необычно скроенных меховых одеждах; на спинах у них мешки из оленьих шкур, наполненные травами и ягодами. Они входят в эти просторы такой живописной деталью, что я провожаю их взглядом, пока женщины наконец совсем не исчезают промеж зеленых склонов долины.

На узкой косе, с одной стороны которой идет лед, а с другой глянец сверкает вода в лагуне, находится поселок Уэлен. Он уже начинает потихоньку просыпаться, один за другим зажигаются очаги в куполообразных палатках из моржовой кожи. Неподалеку от поселка, выделяясь резкими силуэтами над округлым гребнем холма, тянется, жуя мох, оленье стадо в окружении покрикивающих пастухов, которые ведут его на новое пастбище. Для всех этих людей сегодня обычный будний день, частичка повседневной жизни, для меня же – необыкновенный опыт. Этот пейзаж и люди означают, что, оставив на востоке последнее эскимосское племя, я добрался до самой Сибири и моя экспедиция подошла к концу.

Высокий утес, на котором я сейчас стою, и чистый воздух дают возможность разглядеть след наших саней на белом снегу, оставленный на краю земли, посреди самой отдаленной из областей Севера, где живут люди. Перед моими глазами проносятся тысячи небольших поселков, ради которых мы отправились в эту поездку, и меня вдруг наполняет огромная радость: нам удалось пережить настоящее приключение, во время которого мы приобрели немалый опыт

пробывания среди людей, пожалуй, самых необычайных во всем мире!

Медленно продвигались мы по нехоженным тропам и повсюду узнавали что-то новое. Как долг оказался наш санный путь – продвижение вперед и вылазки по суше и по оледенелым морям, то в погоне за дичью, то в поисках людей? 20 000 миль или 5000 датских миль², половина окружности Земли? Да и какая, в сущности, разница – ведь для нас расстояние ничего не значило!

Радуюсь успеху нашей санной экспедиции, я невольно возвращаюсь мыслями к одному эпизоду на Аляске, где весной все ждали прибытия отважных летчиков с другого конца земного шара³. И я всем сердцем благословляю судьбу, позволившую мне родиться в те времена, когда полярные исследования на собачьих упряжках еще не изжили себя. Ибо наш опыт вобрал в себя все очарование и разнообразие путевой жизни, а также возможность познать что-то новое; и вот уже во второй раз перед моими глазами пробегает узкая колея, оставленная нашими санями на белом снегу.

Меня переполняет теплое чувство благодарности ко всем нашим терпеливым и неприхотливым собакам. Изю всех сил трудясь вместе с нами, они оказывали нам такую помощь, какую только могут дать живые существа: они сражались с

² Около 18 000 километров.

³ Речь идет о первом кругосветном перелете, совершенном летчиками ВВС США в 1924 г.

труднопроходимыми торосами, неистово гнались за добычей на охоте; а как они радовались, когда мы, голодные и истосковавшиеся по мясу, замечали вдали стойбище, пахнущее неведомыми людьми!

Именно этот опыт и лег в основу моего повествования о встреченных нами на пути незнакомых землях и народностях во всем их многообразии.

Теперь мне начинает казаться, будто все события моей жизни естественным образом дополняют друг друга. Моя благодарность опыту, полученному в пути на собачьих упряжках, перерастает в благодарность за мое детство, проведенное в Гренландии. Моей первой настоящей игрушкой были сани, и теперь сани помогли мне выполнить главную задачу моей жизни. Я с детства знал эскимосский язык, тогда как другим арктическим исследователям пришлось его учить; я жил бок о бок с гренландскими охотниками, и потому тяжелые условия экспедиции были для меня естественной формой труда. Можно сказать, что Пятая экспедиция Туле – не что иное, как счастливое продолжение моего детства и юности.

Обобщая впечатления, оставившие наибольший след от длительного путешествия, я естественно в той же мере испытываю радость при мысли о том, что могу рассказать, как и смиренную грусть при мысли о том, что я поневоле должен пропустить. Особенно сожалею я, что приходится опустить все сообщения моих товарищей о тех санных экскур-

сиях, которые они проводили самостоятельно.

Почти полтора года мы провели в нашем штабе на Датском острове у северного побережья Гудзонова залива, изучая живущих рядом эскимосов Айвилика и Иглулика; мы вели раскопки руин ранней эскимосской культуры и посещали первобытных эскимосов на Баррен-Граундсе. Во время второй зимовки мои спутники продолжили работу и в окрестностях нашего штаба, и среди материковых эскимосов, а также на Баффиновой Земле. А я вместе с двумя гренландскими проводниками, проехав вдоль всего американского континента, вышел через Северо-Западный проход к Берингову морю. По дороге мы посещали всех живущих вдоль нашего маршрута эскимосов; так же, как и им, нам приходилось жить добычей с охоты. Все сделанные во время путешествия наблюдения легли в основу моего повествования.

Герои этой книги – эскимосы. Здесь рассказывается об их истории, быте, борьбе за выживание и духовной культуре. И только для того, чтобы соединить разнообразный опыт в единое целое, придется упоминать о нашей долгой поездке на собачьих упряжках. Энтузиазм, никогда не покидавший моих товарищей, во многом способствовал тому, что мне удалось завершить эту серьезную работу.

Участники экспедиции в гренландском Нууке. Слева направо: Кай Биркет-Смит, Тёркель Матиассен, Хельге Бангстед (стоят), Педер М. Педерсен, Кнуд Расмуссен, Петер Фрейхен, Якоб Ольсен (сидят). Фото: Архив Кнуда Расмуссена

В нашей экспедиции принимали участие:
Петер Фрейхен, картограф и натуралист;
Тёркель Матиассен, археолог и картограф;
Кай Биркет-Смит, этнограф и географ;
Хельге Бангстед, научный сотрудник;
гренландец Якоб Ольсен, помощник и переводчик;

Педер Педерсен, капитан экспедиционного судна «Повелитель моря».

Официальное название экспедиции звучит так: Пятая экспедиция Туле, датская этнографическая экспедиция в арктическую Северную Америку 1921-1924 годов. Его Величество король Кристиан X сделал честь экспедиции, взяв ее под свое покровительство. В организационный комитет экспедиции входили: председатель М. Иб Ньюбо; предприниматель Хр. Эриксен; полковник Й. П. Кох; профессора О. Б. Бёггильд, Адольф Йенсен, К. Х. Остенфельд и инспектор Национального музея Томас Томсен.

В 1910 году вместе с Петером Фрейхеном мы организовали на мысе Йорк в Северной Гренландии полярную станцию Туле. Мы назвали ее так потому, что это была самая северная из всех постоянных полярных станций в мире. Поскольку станция служила практической и экономической базой для моих полярных экспедиций, все они называются «экспедициями Туле».

Большое значение для проведения экспедиции имело участие полярных эскимосов, последовавших за нами из Туле. Вот их имена: Иггьянгуак («Маленькая глотка») и его жена Арнарулунгуак («Малышка»), Аркиок и его жена Арнангуак, Насайтордлуарсук («Лодочник») и его жена Акатсак, и, наконец, юный Кавигарссуак Митек («Птица гага»).

Мыс Йорк. Гора Дандас и полярная станция Туле, 1930.

Фото: Архив Кнуда Расмуссена

Иггьянгуак умер от инфлюэнцы еще до того, как мы покинули юго-западную Гренландию, но, несмотря на это, его вдова пожелала участвовать в экспедиции, проделав вместе с Гагой долгое путешествие на санях через Северо-Западный проход до Аляски. В обязанности Арнарулунгуак и других участниц экспедиции входило: содержать в порядке наши одежды из шкур, готовить пищу и время от времени помогать ухаживать за собаками. Мужчины управляли собаками, охотились и строили на стоянках хижины из снега.

Строительство экспедиционной базы «Кузнечные мехи»
на Датском острове. Фото: Архив Кнуда Расмуссена

Арнарулунгуак – единственная женщина, когда-либо путешествовавшая по Северо-Западному проходу. *Фото: Общество Кнуда Расмуссена*

Арнарулунгуак – первая эскимоска, совершившая столь длинное путешествие, ей единственной вместе с Гагой довелось посетить всех соплеменников. Принимая во внимание усилия, которые потребовал этот путь, не знаю, кому в большей степени стоит отдать дань восхищения – собакам или эскимосам, благополучно пережившим три с половиной года лишений. Однако я знаю наверняка, что вряд ли мне будет под силу передать в книге, как много они для меня значили.

В этой книге придется опустить результаты научных исследований, как и обстоятельную разработку теории происхождения эскимосской культуры. Однако, учитывая, что изучение истории эскимосов было одной из главных целей экспедиции, мне хотелось бы кратко осветить ее для более ясного понимания.

Эскимосы селятся на территориях от Гренландии до Сибири, занимающих более трети арктической периферии Земли, однако их общая численность составляет не более 34 000 человек. У нас есть все основания полагать, что прошло не менее 1500-2000 лет с тех пор, как первые племена явились сюда из области, где первоначально сформировалась их культура.

Культура канадских эскимосов четко разделяется на две

основные ветви: континентальную и приморскую. Первобытные эскимосы – кочевники, жившие в глубине континента, промышляли охотой на северных оленей и не были связаны с морем. Ничто в их традициях и орудиях не указывает, что они когда-либо охотились на морского зверя. Напротив, культура жителей побережья во многом идентична континентальной, несмотря на то, что последние никогда не бывали на морских берегах. Все это позволяет предположить, что все эскимосы изначально были материковыми охотниками, часть из которых в более поздние времена перебралась ближе к морю, чтобы заниматься ловом морских животных. Выходцы сохранили свой исконный язык и мифологию и, обосновавшись на море, добавили то новое, что им удалось усвоить как в области технических достижений, так и духовной культуры.

Если описать эту теорию более популярно, можно утверждать, что эскимосы и индейцы когда-то давным-давно произошли от общего корня. Однако разные условия жизни сформировали различные культуры: на индейцах лежит отпечаток окружающей их лесной природы, а эскимосская культура развивалась в голых, пустынных, безлесных краях.

Таким образом материковые эскимосы создали особую культуру вблизи больших рек и озер на севере Канады. Отсюда они позднее продвигались к морскому берегу, либо спасаясь от враждебных племен, либо следуя за мигрирующими северными оленями. Таковы были истоки первой фа-

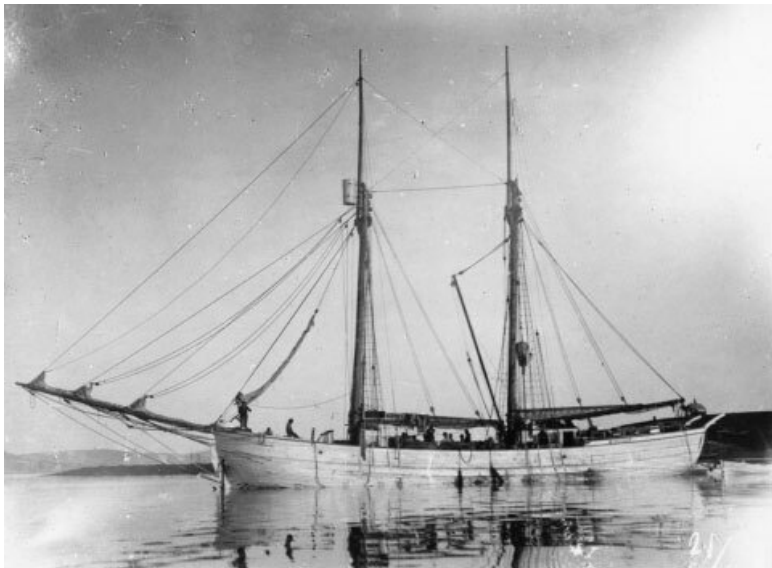
зы приморской культуры на арктическом побережье Канады, возникшей предположительно между заливом Коронейшен и Северным магнитным полюсом. Отправившись на запад, они добрались до Аляски и Берингова моря, до побережья, изобилующего морскими животными, где культура приморских эскимосов достигла своего расцвета.

Сложно сказать, по какой причине племена начали переселяться из этих мест, на этот раз с запада на восток. Этими переселениями объясняются все руины зимних жилищ, обнаруженные нами вдоль побережья Арктики между Гренландией и Аляской. Нынешние эскимосы не строят таких домов; они в относительно позднюю эпоху были возведены племенем тунитов. Но до последнего времени подобные жилища строили гренландцы – вероятно, они-то и были теми самыми тунитами. На протяжении многих лет, пока шло переселение, некоторые племена по-прежнему постоянно жили внутри материка: этим можно объяснить нашу встречу с потомками эскимосов на Баррен-Граундсе.

Экспедиция отбыла из Копенгагена 17 июня 1921 года и направилась через Гренландию, отчасти, чтобы взять с собой гренландских участников, отчасти, чтобы обеспечить себя необходимым в Арктике снаряжением. Специально для нашей экспедиции была построена шхуна в 100 тонн, названная «Повелитель моря».

3 августа, после благополучного пересечения печально известного, по большей части скованного льдами залива Мелвилл, мы прибыли в Туле, где встретились с нашими гренландскими помощниками. В середине августа мы уже шли по Гудзонову проливу, пробираясь через плотные, тяжелые ледяные глыбы к северному побережью острова Саутгемптон, откуда по разводьям пробились к необитаемому острову неподалеку от Ванситтарта. Здесь мы и организовали нашу базу, и отсюда после выгрузки имущества экспедиции «Повелитель моря» отплыл домой.

После этого в течение целого месяца мы занимались обустройством нашей зимней стоянки, окрестив ее «Кузнечные мехи». Согласно нашим подсчетам, место, где мы обосновались, расположено на $55^{\circ}54'$ северной широты и $85^{\circ}50'$ западной долготы. Однако имевшиеся у нас старые карты были настолько неточны, что вначале, до обследования всего региона, мы не могли найти на них место нашего пребывания.

«Повелитель моря». *Фото: Архив Кнуда Расмуссена*

Маленький остров, на котором мы построили дом, назвали Датским. Здесь была приветливая долина, переходившая в открытый берег моря, но окруженная горами. Этот уголок земли казался совершенно обособленным. На берегу мы обнаружили свежие медвежьи следы, а возле каменной гряды встретили зайца, который на вид был таким ручным, что мы серьезно пытались поймать его голыми руками. Вскрабавшись на высокий утес, на небольшой площадке внизу мы увидели одинокого дикого оленя. Завидев нас, он устремился к нам навстречу, не выражая ни малейших признаков

страха. Когда, наконец, с противоположной стороны острова открылся вид на водную гладь, нам удалось рассмотреть блестящие черные головы моржей, которые поднялись на поверхность набрать воздух, и теперь с любопытством нас разглядывали. Такого гостеприимства среди животных мне еще никогда не доводилось встречать.

Зимняя станция «Кузнечные мехи» на Датском острове к северу от острова Саутгемптон, где в период с 1921 по 1923 г. проводились исследования и картографирование местности во время путешествий на север, на Баффинову Землю, и на юг – к Хиколигьюаку, Эскимо-Пойнту и Черчиллю. Отсюда Кнуд Расмуссен вместе с Кавигарссуак Митек и Арнарулун-

гуак отправился к Ному на Аляске. *Фото: Общество Кнуда Расмуссена*

В октябре пришла зима; земля покрылась снегом, а узкий пролив, отделяющий наш остров от Ванситтарта, замерз. Первое, что предстояло сделать, – как можно скорее связаться с ближайшими эскимосами. Но открытая вода в заливе Гора не позволяла нам отправиться в дальнюю поездку. Все наши находки к концу октября ограничивались старыми турами⁴, отмечавшими тайники, где хранились луки и стрелы для охоты на оленей. Нам пришлось терпеливо ждать ледостава, и раньше ноября нечего было рассчитывать на дальнюю поездку.

⁴ Туры или гурии – небольшие искусственные пирамиды из камней.

Гудзонов залив и Баррен-Граундс

Первая встреча с людьми

Я остановился, чтобы отогреть замерзшие щеки, как вдруг какой-то звук и внезапное смятение среди собак заставили меня вскочить. Не было никаких сомнений – тишину вокруг меня нарушил звук выстрела! Я резко обернулся, высматривая Петера Фрейхена и Лодочника, следовавших немного позади; вероятно, это они дали сигнал, чтобы я их подождал: что-нибудь случилось с санями. Я тут же заметил их: две крошечные точки вдали, но оба двигались довольно быстро. Стреляли не они. Тогда я посмотрел вперед и, подобно многим нервным людям, которые под воздействием сильных эмоций внезапно успокаиваются, беспечно уселся в сани, отбросив все мысли о внезапных сюрпризах, ожидаемых мной от первой встречи с канадскими эскимосами.

В трех-четыре километрах впереди белоснежное однообразие льда, покрывавшего залив, нарушала черная линия. Что это – длинная, не запорошенная снегом трещина?

Кнуд Расмуссен во время длительной поездки на санях.
Фото Лео Хансена

В бинокль я уже различаю цепочку саней, запряженных множеством собак. Они остановились, чтобы наблюдать за нами – пришельцами с юга. Вот от саней отделился человек и побежал по льду мне наперерез.

Я знал, что теперь нахожусь на пороге одного из наиболее знаменательных моментов моей жизни. Эти люди и были целью моей поездки; и выстрелы, время от времени доносившиеся со стороны этой группы, а также гарпун в руках человека, бегущего остановить меня, могли означать и дружбу, и вражду. Мое нетерпение было столь велико, что я не сумел сдержать данное товарищам обещание, что тот из нас, кто придет первым, должен подождать других, чтобы все одновременно смогли пережить эту встречу.

Ни секунды не раздумывая, я вскочил на сани и подал собакам сигнал прибавить ходу, показывая им на бегущего по льду человека. Они тотчас приняли его за убегающую дичь и сломя голову ринулись вперед, а поравнявшись с ним, окончательно озверели. Все в нем было чужим: и запах, и одежда, и чудной танец, который он выплясывал, пытаясь избежать дюжины раскрытых пастей.

– Стой смирно! – прикрикнул я и, широким прыжком перемахнув с саней к собакам, обнял эскимоса. Увидев такое проявление дружбы, собаки тут же остановились, а затем удрученно шмыгнули за сани.

Словно молния, меня озарила догадка, что этот человек

понял каждое выкрикнутое мной слово. Это был высокий мужчина крепкого телосложения, с покрытым инеем лицом и длинными волосами; во рту его сверкали крупные белые зубы; улыбаясь, запыхавшись от бега и волнения, он ловил ртом воздух.

Вот так, кубарем, и встретился я впервые с новыми людьми.

Как только мои товарищи приблизились, мы направились в сторону группы людей, издалека наблюдавших за нашими объятиями. Человека звали Папик («Маховое перо»), жил он на возвышенности у залива Лайон. Больше я ни о чем не успел спросить, так как по опыту знал, что нужно остановить собак, прежде чем мы подедем слишком близко к чужакам. К нам навстречу двинулись все мужчины, а женщины и дети остались лежать рядом с санями, растянувшись в снегу, словно в летний день на лужайке. Мельком взглянув, я увидел, что несколько женщин сидят, держа на коленях полураздетых младенцев, и кормят их грудью. Солнце падало на их смуглые улыбающиеся лица, и я вдруг словно забыл, что стоит все та же погода, заставлявшая меня каких-то полчаса назад потирать собственный нос.

Это были акилинермиут, «люди с той стороны большого моря», о которых мне доводилось слышать, когда я подростком впервые заинтересовался эскимосскими сказаниями. Более живописную встречу трудно было представить: здесь, посреди льдов стоял целый караван из мужчин, жен-

щин и детей в фантастических одеждах, похожих на живые иллюстрации к гренландским преданиям о знаменитых жителях материка. Каждый лоскут их одеяний состоял из шкурок, мягких, короткошерстных шкурок оленей, убитых на первых осенних охотах. Уборы женщин отличались свободными капюшонами и развевающимися длинными полами, прикрывавшими штаны сзади и спереди. Забавная одежда мужчин была словно приспособлена для бега: короткая спереди и с длинным хвостом сзади. Все это настолько отличалось от моды, известной мне до сих пор, что я вмиг почувствовал, будто попал в другие времена – давно ушедшие, но для меня одновременно и новые, сулившие встречи с людьми, которых мне предстояло изучать.

Среди массы впечатлений было одно обстоятельство, объединявшее нас словно давних знакомых и сблизившее друг с другом, – это был язык. Разумеется, я всегда знал, что мы говорим на одном и том же языке, но при этом никогда не думал, что разница столь незначительна и мы сразу сможем общаться. Они ведь приняли нас за своих дальних соплеменников с Баффиновой Земли.

Уложив все свое добро на сани, эскимосы держали путь к местам осенних стоянок внутри материка, за заливом Лайон. Однако, как и все остальные эскимосы, оказавшись те на их месте, они на время оставили всякую мысль о путешествии и продвинулись только до больших сугробов поблизости, где мы разбили целый поселок из снежных хижин, что-

бы отпраздновать нашу первую встречу.

Встречаясь с новыми людьми, ощущаешь то же самое, что и путешествуя по новой стране: то и дело ожидаешь чего-то необычайного, а потом это вдруг происходит на самом деле. Нечто столь повседневное, как строительство новой снежной хижины – то, что мы делали сотни раз, – здесь оказалось чудом. Никогда прежде мы не видели, чтобы снежное жилище возводилось с такой скоростью. У жителей мыса Йорк такую работу выполняют два человека: один вырезает снежные блоки и передает их другому, складывающему из них дом. Но здесь один человек просто сделал несколько надрезов на сугробах участка, облюбованного для строительства, затем вырезал блоки и тут же их сложил – причем так расторопно, что мы потеряли дар речи. Пока он этим занимался, его жена, взяв в руки большую, причудливой формы лопату для снега, имевшую не только рукоятку, но и ручку, приделанную к полотну, принялась распределять осыпавшийся снег по стенам, пока те росли в высоту. Этот слой рыхлого снега забивает все швы, утепляя жилище, чтобы непогода была ему нипочем. Менее чем через три четверти часа на снегу уже возвышались три большие снежные хижины, и почти одновременно из снега вырезали лежанку и зажгли площадку-жирник, согревавшую жилище.

Чтобы получить как можно больше пользы от общения с новыми друзьями, каждый из нас троих поселился в отдельной семье. Разобрав вещи, мы заняли свои места на лежан-

ках. Затем на большие жировые лампы поставили вариться оленину, после дошла очередь до чая и муки, приобретенных у белого человека, который, по их рассказам, жил неподалеку от нашего лагеря в Репалс-Бей.

Эта новость была для нас очень важна: нам открывалась возможность весной отправить домой почту.

Моим хозяином был дружелюбный и участливый человек по имени Пилакавсак; его жена Хауна заботливо старалась сделать для меня все, что было в ее силах. И вот уже сварилась оленина и закипел чай. Во время трапезы я получил немало ценных сведений об окрестных поселениях. Оказалось, что вокруг нашей базы находилось множество стойбищ, и, хотя населения там было немного, состав его представлял немалый интерес. Поскольку нам посчастливилось говорить на языке хозяина, это вызвало доверие. Теперь мы общались настолько свободно на тему религии, что довольно скоро стало понятно, что, несмотря на чай, муку и зарождающуюся культуру эмалированных мисок, эти люди все еще сохраняют первобытное мышление и мировоззрение.

Перед нами открылась новая, обширная страна, предлагавшая новую работу и новые задачи, а значит, нужно было идти дальше. На следующее утро мы расстались и 5 декабря еще засветло добрались до места проживания белого человека, указанного нам эскимосами. В глубине небольшой бухты, за высокими торосами, мы заметили темный, невзрачный домик, окруженный целой колонией снежных хижин.

Он оказался самой отдаленной факторией прославленной Торговой компании Гудзонова залива, одной из старейших и крупнейших торговых фирм в мире. В том месте, где в крутом ледяном подъеме на берег была прорублена дорога, мы свернули и подъехали к дому, и едва остановились, как дверь распахнулась. Перед нами стоял начальник станции капитан Кливленд, будто давно нас дожидался. Нам устроили теплый прием. Старый капитан оказался скорым на руку отличным поваром, и не успели мы привести в порядок сани и накормить собак, как он привел нас в гостиную, сообщив, что все уже готово. Длинный широкий стол ломился от свежих, сочных ростбифов из оленины с гарниром из самых разнообразных калифорнийских плодов.

Джордж Вашингтон Кливленд был старым китобоем, потерпевшим крушение у этих берегов несколько десятков лет назад. Со временем он настолько хорошо обосновался среди эскимосов, что вернуться на родину так и не решился. Он оказался в гораздо большей степени американцем, чем можно было ожидать от человека, ведущего столь изолированную жизнь. Он не преминул похвастаться, что родом с того самого побережья, где когда-то причалил «Мэйфлауэр», доставивший в Америку первых английских поселенцев. Его жизнь была полна приключений, и рассказывал он о них с большим воодушевлением. Ему пришлось пережить все мыслимые тяготы, которые только могли обрушиться на жизнь старого пионера, но ни потери, ни голод, ни неудачи,

ни лишения так и не сломили его дух.

Ранее мы мало что знали об этой отдаленной арктической части Канады, а полученная от Кливленда информация позже нам очень пригодилась. Выяснили, что одна из шхун Гудзоновской компании, под командованием француза канадского происхождения, капитана Жана Бертье, обосновалась на зимовку в пяти днях езды к югу, в бухте Уэйджер. Теперь у нас появилась возможность в течение зимы передать домой почту, поэтому немедленно было решено отправить Петра Фрейхена дальше на разведку.

Гости в этих краях были в диковинку, поэтому капитан Кливленд в честь нашего появления решил устроить танцы. По этому случаю всем женщинам раздали разноцветные ткани, из которых те быстро соорудили себе бальные платья. Посреди гостиной капитан Кливленд затопил большую печь необычной формы, в виде красной маковой головки. От нее исходил такой жар, что плясать в теплых мехах было бы невозможно. Вечер превратился в настоящее торжество после того, как завели граммофон, повсюду сопровождающий белых людей, а Кливленд, невзирая на свои 60 лет, ринулся в круговорот старинных танцев китобоев, которым он в совершенстве обучил эскимосов.

Ночью, когда танцы и печной жар нас окончательно разморили, мы отправились с визитом в одну из снежных хижин и, оказавшись на холоде, вернули свой прежний облик. Нам все было любопытно, хотелось больше узнать об этих

краях и людях. Но так как мы еще не знали эскимосских названий местности и вынуждены были придерживаться обозначений на старых английских картах, то дело шло довольно медленно, пока вдруг не явилась неожиданная помощь: старик с длинной седой бородой и красными от ветра глазами оказался географом племени. Мы достали бумагу и карандаш, и этот «дикарь» без малейших колебаний прочертил береговую линию в несколько сотен миль, ведущую от Репалс-Бей до самой Баффиновой Земли. В этот момент я испытал удивительное чувство. Большинство записанных мной названий – Науярмиут, Питоркермиут, Ивиангернат и многие другие звучат точь-в-точь так же, как в моих родных местах в Гренландии. И вот, находясь на чужбине, я начинаю вдруг чувствовать себя здесь как дома, словно житель Копенгагена, услышавший о Шарлоттенлунде, Клампенборге или Скодсборге⁵.

Ощущая вокруг себя дух былых времен, да и чтобы как-то затронуть эту тему, я решил сам рассказать несколько преданий старой Гренландии. Оказалось, что они всем здесь знакомы, но то, что чужак, только что прибывший в их стойбище, вдруг пересказывает их собственные истории, которые, как они считали, известны только им, привело их в такое изумление, что вскоре в хижине собралось много народу. Старый картограф по имени Ивалуардьюк присел рядом со мной – он явно увлечен древними сказаниями и песнями.

⁵ Пригороды Копенгагена.

Этот бородач и сам по себе подобен сказочному герою, а его мягкий, спокойный голос вторит духу этих преданий. Он – старейший человек в доме и один из старейших людей племени. Когда он берет слово, все остальные сразу замолкают. Он повел рассказ о своей жизни и старости. После смерти первой жены, случившейся много лет назад, он долгое время жил один, вдовец, лишенный уважения людей. Но затем он женился на своей приемной дочери и купил себе ребенка, выменяв его на одну из своих собак. Вот как местные жители умеют сами помочь себе и облегчить свою долю.

Все просят его спеть, и он незамедлительно откликается на просьбу. Он усаживается поглубже на лежанке, пока его молодая жена затягивает песню своим чистым голосом. Все женщины тут же подхватывают; под монотонные звуки, то возвышающиеся до крика, то падающие до тихого шепота, Ивалуардьюк исполняет песню, сложенную им в память о своей юности:

Мошки да стужа – эти беды всегда ходят врозь.

Вот я лег на лед, на снег и лед, стучу зубами.

Это я, ая-ая-я.

Вспоминаю ли о временах,

Временах, когда мошка жужжала,

Временах, когда от стужи замираешь, – холод закружил,

Я лежу, раскинувшись на льду –

Это я, ая-ая-я.

Ай! Для песни нужна сила, я ищу слова.

Ай! Смотрю и вижу, о чем мне петь. Вот олень ширококорогий!

Замахнулся я древком со всею силой и метнул копье,
И мое оружие пробило кость в паху быка,

Тот затрясся от боли, потом повалился и затих.

Ай! Но для песни нужна сила, а я ищу слова.

Это песня, это память.

Я единственный ее певец.

Вот так и прошла наша первая встреча с людьми. Спустя всего лишь день, 7 декабря, мы с Лодочником и нашими новыми друзьями отправились в путь, а Фрейхена решили направить в бухту Уэйджер. По дороге домой в бухте Хэвилэнд мы обнаружили старую санную колею и последовали по ней, чтобы разыскать новых людей.

Такорнаок

В центре большого озера стояла старая эскимоска и ловила форель. Хотя было еще только начало зимы, лед достиг уже такой толщины, что ей лишь с большим трудом удалось проделать в нем лунку, чтобы забросить удочку. Время от времени она бралась за большую лопату и выбрасывала осколки льда из проруби. Затем она поудобнее ложилась на живот и склонялась к проруби верхней частью корпуса так низко, что нам была видна только пара одетых в меха согнутых ног, болтавшихся в воздухе среди снежных сугробов.

Неожиданно из снежного тумана выскочил щенок и дико залаял. Сбитая с толку старуха испуганно выбралась из проруби и увидела нас с Лодочником совсем рядом. Наши собаки, давно заметившие и ее, и щенка, бросились их окружать. Издав пронзительный вопль, старуха закинула перепуганного щенка себе за плечи и со всей мочи бросилась домой. Однако это паническое бегство только раззадорило собак, и, успев вдобавок почуять запах жилья, они понесли нас так, что я еле успел вовремя схватить беглянку за шиворот и не совсем деликатно швырнуть на свою поклажу. Старуха смотрела на меня с таким ужасом, что я не мог удержаться от смеха. Но едва я засмеялся, как ее глаза наполнились слезами; она была так удивлена, так счастлива, что вдруг оказалась в окружении друзей.

Это была старуха Такорнаок («Дикарка»); как же часто мы потом хохотали, вспоминая наше знакомство! Она сидела, обхватив руками крошечного щенка, продолжавшего лаять без передышки, пока мы мчались вперед. И вдруг, посреди этого тьяканья, я неожиданно расслышал новый, обескураживший меня звук. Наклонившись, я осторожно приподнял капюшон ее шубы и увидел, как под мехом, крепко цепляясь за ее шею и явно не желая отставать от приемной матери и сводного брата, рыдает младенец.

Вскоре в поле зрения появился поселок из трех снежных хижин. Жители выскочили наружу, не зная толком, стоит ли нас привечать или лучше убежать. Однако заметив радост-

ную, улыбающуюся Такорнаок, они побежали нам навстречу и окружили нас с радостным недоумением. Как оказалось, имя Дикарка ей не слишком-то соответствовало. Очевидно, болтовня действовала на нее успокоительно, потому что она тут же выпалила все новости, какие успела узнать от нас по дороге, чем вызвала немалое любопытство жителей стойбища. Она поведала, что мы и в самом деле живые люди, но явились сюда из далекой-далекой земли, что по ту сторону великого моря.

Чувствуя себя уверенно среди соплеменников, Такорнаок по-матерински представила меня всем своим. Здесь был Инернерунасуак («Слишком проворный») – старый шаман, пришедший сюда из края неподалеку от Северного магнитного полюса. Когда нас знакомили, его глаза сузились в тонкие полоски, и он не преминул привлечь мое внимание к своему шаманскому поясу, гремевшему поверх мехов всевозможными талисманами, сделанными из костей животных. Его жена, Жалобщица, была доверчивой толстушкой, как и полагается женщине, связавшей свою судьбу со специалистом по тайным знаниям. У них была куча ребятишек, теперь крутившихся вокруг нас; ни один из них пока не достиг возраста, когда называют по имени, и родители, чтобы им пригрозить, просто указывали на них пальцами.

А еще был Талерорталик («Человек в варежках»), женатый на дочери шамана Увтукитсок («Тесное лоно»). Вид у них был ничем не примечательный, но позже выяснилось,

что именно они поддерживали жизнь шамана и его семьи. Наконец, там был еще Пекингассок («Крошка»), калека. Такорнаок поведала, что он был таким заправским ловцом форели, что мех на передней части его шубы всегда был покрыт льдом от постоянного лежания на животе перед лункой. Когда она произносила эти слова, тот посмотрел на меня умным, проницательным взглядом, свойственным всем калекам. Здесь были и другие, но они были упомянуты вскользь, ибо теперь Дикарка хотела повести меня к себе домой. Ее хижина было довольно ухоженной, но внутри было все же прохладно, пока мы не зажгли плошку-жирник.

Как только мы с Лодочником взобрались на лежанку, на теплые олени шкуры и мясо было положено в котел, хозяйка, усевшись между нами, поразила нас новостью, что теперь она жена нам обоим, поскольку ее любимый супруг в данный момент находится в отъезде. Затем, вытащив младенца из спинного мешка, она, исполненная материнской гордости, переложила его в мешок из заячьего меха и сообщила, что его зовут Каситсок («Пискун»), в честь горного духа. Он был одним из сыновей-близнецов какого-то Нагсука («Рога») и обошелся ей в цену собаки и сковородки. Это была слишком большая плата за такое крошечное существо, и она то и дело жаловалась, что Рог ее обманул, оставив себе самого пухленького из близнецов.

Дикарка болтала без умолку, и довольно скоро нам удалось узнать о ней все. Она гордилась своим происхождени-

ем, потому что принадлежала к знаменитому племени Иглулик, живущему у берегов пролива Фьюри-энд-Хекла.

– У моих отца и матери часто рождались дети и умирали, – рассказывала она. – Мой отец был великим шаманом и очень хотел иметь детей. Поэтому он отправился далеко в глубь страны к одиноко живущей шаманке по имени Полярная Гагара и попросил у нее помощи. Вот так, с помощью Полярной Гагары я и появилась на свет. Это была очень странная гагара, умевшая оборачиваться то птицей, то человеком. Вот я и выжила.

Когда мясо вынули и в котле закипела вода для чая, радость Дикарки по поводу нашего неожиданного приезда достигла таких пределов, что помимо рассказов она решила спеть небольшую песню, тут же сложив ее устроившись на лежанке между мной и Лодочником. Ее голос покрывала патина по меньшей мере шестидесяти зим, но трогательная в своей наивности песня от этого звучала только лучше:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.